

ОТНОШЕНИЕ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ И МЫШЛЕНИЯ К ЯЗЫКУ¹

«Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом же деле «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения».

Эдуард Сепир

Вероятно, большинство людей согласится с утверждением, что принятые нормы употребления слов определяют некоторые формы мышления и поведения; однако это предположение обычно не идет дальше признания гипнотической силы философского и научного языка, с одной стороны, и модных словечек и лозунгов — с другой.

Ограничиться только этим — значит не понимать сути одной из важнейших форм связи, которую Сепир усматривал между языком, культурой и психологией и которая кратко сформулирована в приведенной выше цитате.

Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений.

---

¹ B. W h o r f, The relation of habitual thought and behavior to language, 1939.

Перепечатано в книге B. L. W h o r f, Language, thought, and reality, New York, 1956.

Обозначение явления и его влияние на действия людей

Я столкнулся с одной из сторон этой проблемы еще до того, как начал изучать Сепира, в области, обычно считающейся очень отдаленной от лингвистики. Это произошло во время моей работы в обществе страхования от огня. В мои задачи входил анализ сотен докладов об обстоятельствах, приведших к возникновению пожара или взрыва. Я фиксировал чисто физические причины, такие, как неисправная проводка, наличие или отсутствие воздушного пространства между дымоходами и деревянными частями зданий и т. п., а результаты обследования описывал в соответствующих терминах. При этом я не ставил перед собой никакой другой задачи. Но с течением времени стало ясно, что не только сами по себе эти причины, но и обозначение их было иногда тем фактором, который через поведение людей являлся причиной пожара. Фактор обозначения проявлялся яснее всего тогда, когда мы имели дело с языковым обозначением, исходящим из названия, или с обычным описанием подобных обстоятельств средствами языка.

Так, например, около склада так называемых *gasoline drums* «бензиновых цистерн» люди ведут себя соответствующим образом, т. е. с большой осторожностью; в то же время рядом со складом с названием *empty gasoline drums* «пустые бензиновые цистерны» люди ведут себя иначе: недостаточно осторожно, курят и даже бросают окурки. Однако эти *empty* «пустые» цистерны могут быть более опасными, так как в них содержатся взрывчатые испарения. При наличии реально опасной ситуации лингвистический анализ ориентируется на слово «пустой», предполагающее отсутствие всякого риска. Возможны два различных случая употребления слова *empty*: в первом случае оно употребляется как точный синоним слов *null*, *void*, *negative*, *inert* (порожний, бессодержательный, бессмысленный, ничтожный, вялый), а во втором — в применении к обозначению физической ситуации, не принимая во внимание наличия паров, капель жидкости или любых других остатков в цистерне или в другом месте. Обстоятельства описываются с помощью второго случая, а люди ведут себя в этих обстоятельствах, имея в виду первый случай. Это становится общей формулой неосторожного поведения людей, обусловленного чисто лингвистическими факторами.

На лесохимическом заводе металлические дистилляторы были изолированы смесью, приготовленной из известняка, именовавшегося на заводе «центрифугированным известняком». Никаких мер по предохранению этой изоляции от перегрева и соприкосновения с огнем принято не было. Дистилляторы находились некоторое время в работе, и однажды пламя под одним из них достигло известняка, который, ко всеобщему удивлению, начал сильно гореть. Поступление паров уксусной кислоты из дистилляторов способствовало превращению части известняка в ацетат кальция. Последний при нагревании разлагается, образуя ацетон, который воспламеняется. Люди, допуская соприкосновение огня с изоляцией, действовали так потому, что само название limestone «известняк» связывалось в их сознании с понятием stone «камень, который не горит».

Огромный железный котел для варки олифы оказался перегретым до температуры, при которой он мог воспламениться. Рабочий сдвинул его с огня и откатил на некоторое расстояние, но не прикрыл. Приблизительно через одну минуту олифа воспламенилась. В этом случае языковое влияние оказалось более сложным благодаря переносу значения (о чем ниже будет сказано более подробно) «причины» в виде контакта или пространственного соприкосновения предметов на истолкование положения on the fire «на огне» в противоположность off the fire «вне огня». На самом же деле та стадия, при которой главным фактором являлось наружное пламя, закончилась; перегревание стало внутренним процессом конвенции в олифе благодаря сильно нагретому котлу и продолжалось, когда котел был уже off the fire «вне огня».

Электрическим рефлектором, висевшим на стене, пользовались редко, и поэтому один из рабочих приспособил его в качестве удобной вешалки для пальто. Ночью вошел дежурный и повернул выключатель, мысленно обозначая свое действие как turning on the light «включение света». Свет не загорелся. Дежурный мысленно обозначил это как light is burned out «перегорели пробки». Он не мог увидеть свечения рефлектора только из-за того, что на нем висело старое пальто. Вскоре пальто загорелось, а затем вспыхнул пожар и во всем здании.

Кожевенный завод спускал сточную воду, содержащую органические остатки, в наружный отстойный резервуар,

наполовину закрытый деревянным настилом, а наполовину открытый. Такая ситуация может быть обозначена как *pool of water* «резервуар, наполненный водой». Случилось, что рабочий зажег паяльную лампу и бросил спичку в воду. При разложении органических остатков выделялся газ, скапливавшийся под деревянным настилом, так что вся установка была отнюдь не *watery* «водной». Моментальная вспышка огня воспламенила дерево, и огонь очень быстро распространился на соседнее здание.

Сушильня для кож была устроена с воздуходувкой в одном конце комнаты, чтобы направить поток воздуха вдоль комнаты и далее наружу через отверстие в другом конце. Огонь возник в воздуходувке и благодаря действию последней перекинулся прямо на кожи, рассыпав искры по всей комнате и уничтожив таким образом весь материал. Опасная ситуация создалась, следовательно, ввиду наличия термина *blower* «воздуходувка», который является языковым эквивалентом *that which blows* «то, что дует», указывающим на то, что основная функция этого прибора *blow* «дуть». Эта же функция может быть обозначена как *blowing air for drying* «раздувать воздух для просушки», причем не принимается во внимание, что он может «раздувать» и другое, например искры и языки пламени. В действительности воздуходувка просто создает поток воздуха и может втягивать воздух так же, как и выдувать его. Ее нужно было поставить на другом конце помещения, там, где было отверстие и где она могла бы втягивать поток воздуха, проходящий над шкурами, а затем выдувать его наружу.

Рядом с тигелем для плавки свинца, имевшим угольную топку, была помещена груда *scrap lead* «свинцового лома» — обозначение, вводящее в заблуждение, так как на самом деле «лом» состоял из листов старых радиоконденсаторов, между которыми все еще были парафиновые прокладки. Вскоре парафин загорелся, а за ним вспыхнула и крыша.

Можно привести бесконечное множество подобных примеров. Они показывают достаточно убедительно, как рассмотрение лингвистических формул, обозначающих данную ситуацию, может явиться ключом к объяснению тех или иных поступков людей и каким образом эти формулы могут анализироваться, классифицироваться и соотноситься в том мире, который «в значительной степени бессозна-

тельно строится на основании языковых норм данной группы» (Э. Сепир). Мы ведь всегда исходим из того, что язык лучше, чем это на самом деле имеет место, отражает действительность.

Грамматические модели в качестве истолкователей действительности

Лингвистический материал приведенных выше примеров ограничивается отдельными словами, фразеологическими оборотами и словосочетаниями определенного типа. Изучая влияние этого материала на поведение людей, нельзя упускать из виду, что несравненно более сильное влияние на их поведение могут оказывать разнообразные типы грамматических категорий, таких, как категория числа, рода, классификация по одушевленности, неодушевленности и т. п., а также времена, залогов и другие формы глагола, классификация по частям речи и вопрос о том, чем обозначена данная ситуация — одной ли морфемой, формой ли слова или синтаксическим словосочетанием. Такая категория, как категория числа (единственное в противоположность множественному), является попыткой обозначить целый класс явлений действительности. В ней содержится указание на то, каким образом нужно классифицировать различные явления и какие случаи можно назвать «единичными», а какие — «множественными». Однако обнаружить такое косвенное влияние чрезвычайно сложно, во-первых, ввиду его неясности, а во-вторых, ввиду того что весьма трудно взглянуть со стороны и изучить объективно родной язык, который является привычным средством общения и своего рода неотъемлемой частью нашей культуры. Если же мы приступим к изучению языка, совершенно не похожего на наш родной, мы будем изучать его так, как изучаем природу. При анализе чужого, непривычного языка мы осмысливаем его средствами своего родного языка или же обнаруживаем, что задача разъяснения чисто морфологических трудностей настолько сложна, что, кажется, поглощает все остальное. Однако, несмотря на сложность задачи, состоящей в выяснении того косвенного влияния грамматических категорий языка на поведение людей, о котором говорилось выше, она все же выполнима и разрешить ее легче всего при рассмотрении какого-нибудь экзотического язы-

ка, так как, изучая его, мы волей-неволей бываем выбиты из привычной колеи. И, кроме того, в дальнейшем обнаруживается, что такой экзотический язык является зеркалом по отношению к родному языку.

Мысль о возможности работы над данной проблемой впервые пришла мне в голову во время изучения мною языка хопи, даже раньше, чем я осознал сущность самой этой проблемы. Казавшееся бесконечным описание морфологии языка было наконец закончено. Но было совершенно очевидно, особенно в свете лекций Сепира о языке навахо, что описание языка в целом являлось далеко не полным. Я знал, например, правила образования множественного числа, но не знал, как последнее употребляется. Было ясно, что категория множественного числа в языке хопи значительно отличается от категории множественного числа в английском, французском и немецком языках. Некоторые понятия, выраженные в этих языках множественным числом, в языке хопи обозначаются единственным. Стадия исследования, начавшаяся с этого момента, заняла еще два года.

Прежде всего надо было определить способ сравнения языка хопи с западноевропейскими языками. Сразу же стало очевидным, что даже грамматика хопи отражала в какой-то степени культуру хопи так же, как грамматика европейских языков отражает «западную», или «европейскую», культуру. Оказалось, что эта взаимосвязь дает возможность выделить при помощи языка классы представлений, подобные «европейским», — «время», «пространство», «субстанция», «материя». Поскольку те категории, которые будут подвергаться сравнению в английском, немецком и французском, а также и в других европейских языках, за исключением, пожалуй (да и это весьма сомнительно), балто-славянских и неиндоевропейских языков, имеют лишь незначительные различия, я собрал все эти языки в одну группу, названную SA[□], или «Standard Average European» «среднеевропейский стандарт».

Ту часть исследования, которая представлена здесь, можно кратко сформулировать в двух вопросах: 1) являются ли наши представления «времени», «пространства» и «материи» в действительности одинаковыми для всех людей или они до некоторой степени обусловлены структурой данного языка и 2) существуют ли видимые связи между а) нормами культуры и поведения и б) основными лингвистическими

тическими категориями? Я отнюдь не утверждаю, что существует прямая «корреляция» между культурой и языком и тем более между этнологическими рубриками, как, например, «сельское хозяйство», «охота» и т. д., и такими лингвистическими рубриками, как «флективный», «синтетический» или «изолирующий»¹.

Когда я начал изучение данной проблемы, она вовсе не была так ясно сформулирована и у меня не было никакого представления о том, каковы будут ответы на поставленные вопросы.

Множественное число и счет в SAE и в хопи

В наших языках, т. е. в SAE, множественное число и количественные числительные применяются в двух случаях: 1) когда они обозначают действительно множественное число и 2) при обозначении воображаемой множественности, или, более точно, хотя менее выразительно: при обозначении воспринимаемой нами пространственной совокупности и совокупности с переносным значением. Мы говорим *ten men* «десять человек» и *ten days* «десять дней». Десять человек мы или реально представляем, или, во всяком случае, можем себе представить эти десять как целую группу², например десять человек на углу улицы. Но *ten days* «десять дней» мы не можем представить себе реально. Мы представляем реально только один день, сегодня, остальные девять (или даже все десять) — только по памяти или мысленно. Если *ten days* «десять дней» и рассматриваются как некая группа, то это «воображаемая», созданная мысленно группа.

Каким образом создается в уме такое представление? Таким же, как и в случаях с ошибочным представлением, послужившим причиной пожара, ввиду того что наш язык часто смешивает две различные ситуации, поскольку для

---

¹ Мы располагаем множеством доказательств в подтверждение того, что это не так. Достаточно только сравнить хопи и юте с языками, обладающими таким сходством в области лексики и морфологии, как, скажем, английский и немецкий. Идея взаимосвязи между языком и культурой в общепринятом смысле этого слова, несомненно, ошибочна.

² Так, говоря «десять одновременно», мы показываем этим, что в нашем языке и мышлении мы воспроизводим факт восприятия множественного числа в терминах понятия времени, о языковом выражении которого будет сказано ниже.

обеих имеется один и тот же способ выражения. Когда мы говорим о *ten steps forward* «десять шагов вперед», *ten strokes on a bell* «десять ударов колокола» и о какой-либо подобной циклической последовательности, имея в виду несколько *times* «раз», у нас возникает такое же представление, как и в случае *ten days* «десять дней». Цикличность вызывает представление о воображаемой множественности. Но сходство цикличности с совокупностью не обязательно возникает в восприятии раньше, чем это выражается в языке, иначе это сходство наблюдалось бы во всех языках, чего на самом деле нет. В нашем восприятии времени и цикличности содержится что-то непосредственное и субъективное: в основном мы ощущаем время как что-то «становящееся все более и более поздним». Но в нашем привычном мышлении, т. е. в мышлении людей, говорящих на САЕ, это отражается совсем иным путем, который не может быть назван субъективным, хотя и осуществляется в мыслительной сфере. Я бы назвал его «объективизированным», или воображаемым, поскольку оно построено по моделям внешнего мира. В нем отражаются особенности нашей языковой системы. Наш язык не проводит различия между числами, составленными из реально существующих предметов, и числами «самоисчисляемыми». Сама форма мышления обуславливает то, что и в последнем случае так же, как и в первом, числа состояются из каких-то предметов. Это и есть объективизация. Понятия времени утрачивают связь с субъективным восприятием «становящегося более поздним» и объективизируются как исчисляемые количества, т. е. отрезки, состоящие из отдельных величин, в частности длины, так как длина может быть реально разделена на дюймы. «Длина», «отрезок» времени мыслится в виде одинаковых единиц, подобно, скажем, ряду бутылок.

В языке хопи положение совершенно иное. Множественное число и количественные числительные употребляются только для обозначения тех предметов, которые образуют или могут образовать реальную группу. Там не существует воображаемых множественных чисел, вместо них употребляются порядковые числительные в единственном числе. Такое выражение, как *ten days* «десять дней», не употребляется. Эквивалентом его служит выражение, указывающее на процесс счета. Таким образом, *they stayed ten days* «они пробыли десять дней» превращается в «они

прожили до одиннадцатого дня» или «они уехали после десятого дня». Ten days is greater than nine days «десять дней больше, чем девять дней» превращается в «десятый день позже девятого». Наше понятие «продолжительность времени» рассматривается не как фактическая продолжительность или протяженность, а как соотношение между двумя событиями, одно из которых произошло раньше другого. Вместо нашей лингвистически осмысленной объективизации той области сознания, которую мы называем «время», язык хопи не дал никакого способа, содержащего идею «становиться позднее», являющуюся сущностью понятия времени.

Существительные, обозначающие материальное количество в SAE и хопи

Имеется два вида существительных, обозначающих материальные предметы: существительные, обозначающие отдельные предметы, и существительные, обозначающие вещества: water «вода», milk «молоко», wood «дерево», granite «гранит», sand «песок», flour «мука», meat «мясо». Существительные первой группы относятся к предметам, имеющим определенную форму: a tree «дерево», a stick «палка», a man «человек», a hill «холм». Существительные второй группы обозначают однородную массу, не имеющую четких границ. Между этими двумя группами существует и лингвистическое различие: у существительных, обозначающих вещества, нет множественного числа¹; в английском языке перед ними опускается артикль, во французском ставится партитивный артикль du, de, la, des. Это различие более четко выступает в языке, чем в действительности. Очень немногое можно представить себе не имеющим границ: air «воздух», иногда water «вода», rain «дождь», snow «снег», sand «песок», rock «горная порода», dirt

---

¹ Не является исключением из этого правила (отсутствия множественного числа) и тот случай, когда лексема существительного, обозначающего вещество, совпадает с лексемой «отдельного» существительного, которое, конечно, имеет форму множественного числа. Так, например, stone (не имеет множественного числа) совпадает с a stone (мн. ч. — stones). Множественное число, обозначающее различные сорта, например wines, представляет собой нечто отличное от настоящего множественного числа; такие существительные надо считать своеобразными ответвлениями от «материальных» существительных в SAE. Они образуют особую группу, изучение которой не входит в задачу данной работы.

«грязь», grass «трава», но butter «масло», meat «мясо», cloth «ткань», iron «железо», glass «стекло», как и большинство подобных им веществ, встречаются не в «безграничном» количестве, а в виде больших или малых тел определенной формы. Различие это в какой-то степени навязано нам потому, что оно существует в языке. В большинстве случаев это оказывается так неудобно, что приходится применять новые лингвистические способы, чтобы конкретизировать существительные второй группы. Отчасти это делается с помощью названий, обозначающих ту или иную форму: stick of wood «брусок дерева», piece of cloth «лоскут материала», pane of glass «кусок стекла», cake of soap «брусок мыла», — но гораздо чаще — с помощью названий сосудов, в которых находятся вещества, хотя в данных случаях мы имеем в виду сами вещества: glass of water «стакан воды», cup of coffee «чашка кофе», dish of food «тарелка пищи», bag of flour «мешок муки», bottle of beer «бутылка пива». Эти обычные формулы, в которых of имеет явное значение «содержащий», способствовали появлению менее явных случаев употребления той же самой конструкции: stick of wood «обрубок дерева», lump of dough «ком теста» и т. д. В обоих случаях формулы одинаковы: существительное первой группы плюс один и тот же связывающий компонент (в английском языке — предлог of). Обычно этот компонент обозначает содержание. В более сложных случаях он только «предполагает» содержание. Таким образом, предполагается, что lumps «комья», chunks «ломти», blocks «колоды», pieces «куски» содержат какие-то stuff «вещество», substance «субстанцию», matter «материю», которые соответствуют water «воде», coffee «кофе», flour «муке» в соответствующих формулах. Для людей, говорящих на САЕ, философские понятия «субстанция» и «материя» несут в себе простейшую идею; они воспринимаются непосредственно, они общепонятны. Этим мы обязаны языку. Законы наших языков часто заставляют нас обозначать материальный предмет словосочетанием, которое делит представление на бесформенное вещество плюс та или иная его конкретизация («форма»).

В хопи опять-таки все происходит иначе. Там имеется строго ограниченный класс существительных. Но в нем нет особого подкласса — «материальных» существительных. Все существительные обозначают отдельные предметы и имеют и единственное и множественное число. Су-

существительные, являющиеся эквивалентами наших «материальных» существительных, тоже относятся к телам с неопределенными, не имеющими четких границ формами. Однако под последним следует понимать неопределенность, а не отсутствие формы и размеров. В каждом конкретном случае water «вода» обозначает определенное количество воды, а не то, что мы называем «субстанцией воды». Абстрактность передается глаголом или предикативной формой, а не существительным. Так как все существительные относятся к отдельным предметам, нет необходимости уточнять их смысл названиями сосудов или различных форм, если, конечно, форма или сосуд не имеют особого значения в данном случае. Само существительное указывает на соответствующую форму или сосуд. Говорят не a glass of water «стакан воды», а kə·yɪ «вода», не a pool of water «лужа воды», а рa·hə¹, не a dish of cornflour «миска муки», а ɹɛtɪni «количество муки», не a piece of meat «кусочек мяса», а sɪkʷi «мясо». В языке хопи нет ни необходимости, ни моделей для построения понятия существования как соединения бесформенного и формы. Отсутствие определенной формы обозначается не существительными, а другими лингвистическими символами.

Периодизация времени в SAE и хопи

☞ Такие термины, как summer «лето», winter «зима», September «сентябрь», morning «утро», noon «полдень», sunset «заход солнца», которые у нас являются существительными и мало чем отличаются по форме от других существительных, могут быть подлежащими или дополнениями; мы говорим at sunset «на заходе солнца» или in winter «зимой» так же, как at a corner «на углу», in an orchard «в саду»². Они образуют множественное число и исчисляются

---

¹ В хопи существует два слова для обозначения количества воды: kə·yɪ и рa·hə. Разница между ними примерно та же, что и между stone и rock в английском языке: рa·hə обозначает больший размер и wildness «природность, естественность»; текущая вода независимо от того, в помещении она или в природе, будет рa·hə, так же как и moisture «влага». Но в отличие от stone и rock разница здесь существенная, не зависящая от контекста, и одним словом нельзя заменить другое.

² Конечно, в английском языке существуют некоторые незначительные отличия от других существительных, например в употреблении артиклей.

подобно тем существительным, которые обозначают предметы материального мира, о чем говорилось выше. Наше представление о явлениях, обозначаемых этими словами, таким образом объективизируется. Без объективизации оно было бы субъективным переживанием реального времени, т. е. сознания *becoming later and later* «становления более поздним», проще говоря, — повторяющимся периодом, подобным предыдущему периоду в становлении все более поздней протяженности. Только в воображении можно представить себе подобный период рядом с другим таким же, создавая, таким образом, пространственную (мысленно представляемую) конфигурацию. Но сила языковой аналогии такова, что мы устанавливаем упомянутую объективизацию циклической периодизации. Это происходит даже в случае, когда мы говорим *a phase* «период» и *phases* «периоды» вместо, например, *phasing* «периодизация». Модель, охватывающая как существительные, обозначающие отдельные предметы, так и существительные, обозначающие вещества, результатом которой является двучленное словосочетание «бесформенное вещество плюс форма», настолько распространена, что подходит для всех существительных. Следовательно, такие общие понятия, как *substance* «субстанция», *matter* «материя», могут заменить в данном словосочетании почти любое существительное. Но даже и они недостаточно обобщены, так как не могут включить в себя существительные, выражающие протяженность во времени. Для последних и появился термин *time* «время». Мы говорим *a time*, т. е. какой-то период времени, событие, исходя из модели *a mass* *noun* (существительных, обозначающих вещества), подобно тому как *a summer* «некое лето» мы превращаем в *summer* «лето» (как общее понятие) по той же модели. Итак, используя наше двучленное словосочетание, мы можем говорить или представлять себе *a moment of time* «момент времени», *a second of time* «секунда времени», *a year of time* «год времени». Я считаю долгом еще раз подчеркнуть, что здесь точно сохраняется модель *a bottle of milk* «бутылка молока» или *a piece of cheese* «кусочек сыра». И это помогает нам представить, что *a summer* реально содержит такое-то и такое-то количество «time».

В хопи, однако, все «временные» термины, подобные *summer*, *morning* и др., представляют собой не существительные, а особые формы наречий, если употреблять терми-

нологию SAE. Это — особая часть речи, отличающаяся от существительных, глаголов и даже от других наречий в хопи. Они не являются формой местного или другого падежа, как *des Abends* «вечером» или *in the morning* «утром». Они не содержат морфем, подобных тем, которые есть в *in the house* «в доме» и *at the tree* «на дереве»¹. Такое наречие имеет значение *when it's morning* «когда утро» или *while morning-phase is occurring* «когда период утра происходит». Эти «temporals» «временные наречия» не употребляются ни как подлежащие, ни как дополнения, ни в какой-либо другой функции существительного. Нельзя сказать *it's a hot summer* «жаркое лето» или *summer is hot* «лето жарко»; лето не может быть жарким, лето — это период, когда погода теплая, когда наступает жара. Нельзя сказать *this summer* «это лето». Следует сказать *summer now* «теперь лето» или *summer recently* «недавно лето». Здесь нет никакой объективизации (например, указания на период, длительность, количество) субъективного чувства протяженности во времени. Ничто не указывает на время, кроме постоянного представления о *getting later* «становлении более поздним». Поэтому в языке хопи нет основания для создания абстрактного термина, подобного нашему *time*.

Временные формы глагола в SAE и хопи

Трехвременная система глагола в SAE оказывает влияние на все наши представления о времени. Эта система объединяется с той более широкой схемой объективизации субъективного восприятия длительности, которая уже отмечалась в других случаях двучленной формулой, применимой к существительным вообще, во «временных» (обозначающих время) существительных, во множественности и исчисляемости. Эта объективизация помогает нам мысленно «выстроить отрезки времени в ряд». Осмысление времени как ряда гармонирует с системой трех времен, однако система двух времен — раннего и позднего — более

---

¹ *Year* «год» и некоторые словосочетания *year* с названиями времен года, а иногда и сами названия времен года могут встречаться с «местной» морфемой *at*, но это является исключением. Такие случаи могут быть или историческими напластованиями ранее действовавших законов языка, или вызываются аналогией с английским языком.

точно соответствовала бы ощущению длительности в его реальном восприятии. Если мы сделаем попытку проанализировать сознание, мы найдем не прошедшее, настоящее и будущее, а сложный комплекс, включающий в себя все эти понятия. **Все** есть в сознании, и все в сознании существует и существует нераздельно. В нашем сознании соединены чувственная и нечувственная стороны восприятия. Чувственную сторону — то, что мы видим, слышим, осязаем, — мы можем назвать *the present* (настоящее), другую сторону — обширную, воображаемую область памяти — обозначить *the past* (прошедшее), а область веры, интуиции и неопределенности — *the future* (будущее). Но и чувственное восприятие, и память, и предвидение — все это существует в нашем сознании вместе; мы не можем обозначить одно как *yet to be* «еще не существующее», а другое как *once but no more* «существовало, но уже нет». В действительности реальное время отражается в нашем сознании как *getting later* «становиться позднее», как необратимый процесс изменения определенных отношений. В этом *latering* «опозднении» или *durating* «протяженности во времени» и есть основное противоречие между самым недавним, позднейшим моментом, находящимся в центре нашего внимания, и остальными, предшествовавшими ему. Многие языки прекрасно обходятся двумя временными формами, соответствующими этому противоречивому отношению между *later* «позже» и *earlier* «раньше». Мы можем, конечно, создать и мысленно представить себе систему прошедшего, настоящего и будущего времени в объективизированной форме точек на линии. Именно к этому ведет нас наша общая тенденция к объективизации, что подтверждается системой времен в наших языках.

В английском языке настоящее время находится в наиболее резком противоречии с основным временным отношением. Оно как бы выполняет различные и не всегда вполне совпадающие друг с другом функции. Одна из них заключается в том, чтобы обозначать нечто среднее между объективизированным прошедшим и объективизированным будущим в повествовании, аргументации, обсуждении, логике и философии. Вторая его функция состоит в обозначении чувственного восприятия: *I see him* «я вижу его». Третья включает в себя констатацию общеизвестных истин: *we see with our eyes* «мы видим глазами». Эти различные случаи употребления вносят некоторую пута-

ницу в наше мышление, чего мы в большинстве случаев не осознаем.

В языке хопи, как и можно было предполагать, это происходит иначе. Глаголы здесь не имеют времен, подобных нашим: вместо них употребляются формы утверждения (assertions), видовые формы и формы, связывающие предложения (наклонения), — все это придает речи гораздо большую точность. Формы утверждения обозначают, что говорящий (не субъект) сообщает о событии (это соответствует нашему настоящему и прошедшему), или что он предполагает, что событие произойдет (это соответствует нашему будущему)¹, или что он утверждает объективную истину (что соответствует нашему «объективному» настоящему). Виды определяют различную степень длительности и различные направления «в течении длительности». До сих пор мы не сталкивались с указаниями на последовательность двух событий, о которых говорится. Необходимость такого указания возникает, правда, только тогда, когда у нас есть два глагола, т. е. два предложения. В этом случае наклонения определяют отношения между предложениями, включая предшествование, последовательность и одновременность. Кроме того, существует много отдельных слов, которые выражают подобные же отношения, дополняя наклонения и виды: функции нашей системы грамматических времен с ее линейным, трехчленным объективизированным временем распределены среди других глагольных форм, коренным образом отличающихся от наших грамматических времен; таким образом, в глаголах языка хопи нет (так же, как и в других категориях) основы для объективизации понятия времени; но это ни в коей мере не значит, что глагольные формы и другие категории не могут выражать реальные отношения совершающихся событий.

---

¹ «Предполагающие» и «утверждающие» суждения сопоставляются друг с другом согласно «основному временному отношению». «Предполагающие» выражают ожидание, существующее раньше, чем произошло само событие, и совпадают с этим событием позже, чем об этом заявляет говорящий, положение которого во времени включает в себя весь итог прошедшего, выраженного в данном сообщении. Наше понятие «будущее», оказывается, выражает одновременно то, что было раньше, и то, что будет позже, как видно из сравнения с языком хопи. Из этого порядка видно, насколько трудна для понимания тайна реального времени и каким искусственным является ее изображение в виде линейного отношения: прошедшее — настоящее — будущее.

Длительность, интенсивность и направленность в SAE и хопи

Для описания всего многообразия действительности любой язык нуждается в выражении длительности, интенсивности и направленности. Для SAE и для многих других языковых систем характерно описание этих понятий метафорически. Метафоры, применяемые при этом, — это метафоры пространственной протяженности, т. е. размера, числа (множественность), положения, формы и движения. Мы выражаем длительность словами: long «длинный», short «короткий», great «большой», much «многое», quick «быстрый», slow «медленный» и т. д.; интенсивность — словами: large «большой», much «много», heavy «тяжело», light «легко», high «высоко», low «низко», sharp «острый», faint «слабый» и т. д.; направленность — словами: more «более», increase «увеличиваться», grow «расти», turn «превращаться», get «становиться», approach «приближаться», go «идти», come «приходить», rise «подниматься», fall «падать», stop «останавливаться», smooth «гладкий», even «ровный», rapid «быстрый», slow «медленный» и т. д. Можно составить почти бесконечный список метафор, которые мы едва ли осознаем как таковые, так как они практически являются единственно доступными лингвистическими средствами. Неметафорические средства выражения данных понятий, так же как early «рано», late «поздно», soon «скоро», lasting «длительный», intense «напряженный», very «очень», настолько малочисленны, что ни в коей мере не могут быть достаточными.

Ясно, каким образом создалось такое положение. Оно является частью всей нашей системы — **объективизации** — мысленного представления качеств и потенций как пространственных, хотя они не являются на самом деле пространственными (насколько это ощущается нашими чувствами). Значение существительных (в SAE), отталкиваясь от названий физических тел, ведет к обозначениям совершенно иного характера. А поскольку физические тела и их форма в **видимом пространстве** обозначаются терминами, относящимися к форме и размеру, и исчисляются разного рода числительными, то такие способы обозначения и исчисления переходят в символы, лишенные пространственного значения и предполагающие **воображаемое пространство**. Физические явления: move «двигаться», stop

«останавливаться», rise «подниматься», sink «опускаться», approach «приближаться» и т. д.— в видимом пространстве вполне соответствуют, по нашему мнению, их обозначениям в мыслимом пространстве. Это зашло так далеко, что мы постоянно обращаемся к метафорам, даже когда говорим о простейших непространственных ситуациях. Я «схватываю» «нить» рассуждений моего собеседника, но если их «уровень» слишком «высок», мое внимание может «рассеяться» и «потерять связь» с их «течением», так что, когда он «подходит» к конечному «пункту», мы расходимся уже «широко» и наши «взгляды» так «отстоят» друг от друга, что «вещи», о которых он говорит, «представляются» «очень» условными или даже «нагромождением» чепухи.

Поражает полное отсутствие такого рода метафор в хопи. Употребление слов, выражающих пространственные отношения, когда таких отношений на самом деле нет, просто невозможно в хопи, на них в этом случае как бы наложен абсолютный запрет. Это становится понятным, если принять во внимание, что в языке хопи существуют многочисленные грамматические и лексические средства для описания длительности, интенсивности и направления как таковых, а грамматические законы в нем не приспособлены для проведения аналогий с мыслимым пространством. Многочисленные виды глаголов выражают длительность и направленность тех или иных действий, в то время как некоторые формы залогов выражают интенсивность, направленность и длительность причин и факторов, вызывающих эти действия. Далее, особая часть речи — интенсификатор (the tensors) — многочисленнейший класс слов — выражает только интенсивность, направленность, длительность и последовательность. Основная функция этой части речи — выразить степень интенсивности, «силу», а также и то, в каком состоянии они находятся и как видоизменяются: таким образом, общее понятие интенсивности, рассматриваемое с точки зрения постоянного изменения, с одной стороны, и непрерывности — с другой, включает в себя также и понятия направленности и длительности. Эти особые временные формы — интенсификаторы — указывают на различия в степени, скорости, непрерывности, повторяемости, увеличении и уменьшении интенсивности, прямой последовательности, последовательности, прерванной некоторым интервалом времени,

и т. д., а также на качества напряженности, что мы выразили бы метафорически посредством таких слов, как *smooth* «гладкий», *even* «ровный», *hard* «твердый», *rough* «грубый». Поражает полное отсутствие в этих формах сходства со словами, выражающими реальные отношения пространства и движения, которые для нас значат одно и то же. В них почти нет следов непосредственной деривации от пространственных терминов ¹.

Таким образом, хотя хопи при рассмотрении форм его существительных кажется предельно конкретным языком, в формах интенсификаторов он достигает такой абстрактности, что она почти превышает наше понимание.

Нормы мышления в SAE и хопи

Сравнение, проводимое между нормами мышления людей, говорящих на языках SAE, и нормами мышления людей, говорящих на языке хопи, не может быть, конечно, исчерпывающим. Оно может лишь коснуться некоторых отчетливо проявляющихся особенностей, которые, по-видимому, возникают в результате языковых различий, уже отмечавшихся выше. Под нормами мышления, или «мыслительным миром», разумеются более широкие понятия, чем просто язык или лингвистические категории. Сюда включаются и все связанные с этими категориями аналогии, все, что они с собой вносят (например, наше «мыслимое пространство» или то, что под этим может подразумеваться), взаимодействие между языком и культурой в целом, в

---

¹ Вот пример одного из таких следов: *tensor*, обозначающий *long in duration* «длинный по протяженности», хотя и не имеет общего корня с пространственным прилагательным *long* «длинный», зато имеет общий корень с пространственным прилагательным *large* «широкий». Другим примером может служить то, что *somewhere* «где-то» в пространстве, употребленное с этой особой частью речи (т. е. с *tensor*), может означать *at some indefinite time* «в какое-то неопределенное время». Возможно, правда, что только присутствие *tensor* придает данному случаю значение времени, так что *somewhere* «где-то» относится к пространству; при данных условиях неопределенное пространство означает просто общую отнесенность, независимо от времени и пространства. Следующим примером может служить временная форма наречия *afternoon*; здесь элемент, означающий *after* «после», происходит от глагола *to separate* «разделять». Есть и другие примеры этой деривации, но они очень малочисленны и являются исключениями, очень мало похожими на нашу пространственную объективизацию.

результате которого многие факторы, хотя они и не относятся к языку, указывают на его формирующее влияние. Иначе говоря, «мыслительный мир» является тем микрокосмом, который каждый человек несет в себе и с помощью которого он пытается измерить и понять макрокосм.

Микрокосм SAE, анализируя действительность, использует главным образом слова, обозначающие предметы (тела и им подобные) и те виды протяженного, но бесформенного существования, которые называются «субстанцией», или «материей». Он воспринимает бытие посредством двучленной формулы, которая выражает все сущее как пространственную форму плюс бесформенная пространственная непрерывность, соотносящаяся с формой, так же как содержимое соотносится с формой содержащего. Явления, не обладающие пространственными признаками, мыслятся как пространственные, несущие в себе те же понятия форм и непрерывностей.

Микрокосм хопи, анализируя действительность, использует главным образом слова, обозначающие явления (events, или точнее eventing), которые рассматриваются двумя способами: объективно и субъективно. Объективно — и это только в отношении к непосредственному физическому восприятию — явления рассматриваются главным образом с точки зрения формы, цвета, движения и других непосредственно воспринимаемых признаков. Субъективно как физические, так и нефизические явления рассматриваются как выражение невидимых факторов силы, от которой зависит их незыблемость и постоянство или их непрочность и изменчивость. Это значит, что не все явления действительности одинаково становятся «все более и более поздними». Одни развиваются, вырастая как растения, вторые рассеиваются и исчезают, третьи подвергаются процессу превращения, четвертые сохраняют ту же форму, пока на них не воздействуют мощные силы. В природе каждого явления, способного выступить как единое целое, заключена сила присущего ему способа существования: его рост, упадок, стабильность, повторяемость или продуктивность. Таким образом, все уже подготовлено ранними стадиями к тому, как явление проявится в данный момент, а чем оно станет позже — частично уже подготовлено, а частично еще находится в процессе «подготовки». В этом взгляде на мир как на нечто, находящееся в процессе какой-то подготовки, заключается для хопи

особый смысл и значение, соответствующее, возможно, тому «свойству действительности», которое «материя», или «вещество», имеет для нас.

Нормы поведения в культуре хопи

Поведение людей, говорящих на SAЕ, как и поведение людей, говорящих на хопи, очевидно, многими путями соотносится с лингвистически обусловленным микрокосмом. Как можно было наблюдать при регистрации случаев пожара, в той или иной ситуации люди ведут себя соответственно тому, как они об этом говорят. Для поведения хопи характерно то, что они придают особое значение подготовке. О событии объявляется и к нему начинается подготовка задолго до того, как оно должно произойти; разрабатываются соответствующие меры предосторожности, обеспечивающие желаемые условия, и особое значение придается доброй воле как силе, способной подготовить нужные результаты. Возьмем способы исчисления времени. Время исчисляется главным образом «днями» (talɔk, -tala) или «ночами» (tok), причем эти слова являются не существительными, а особой частью речи (tensors); первое слово образовано от корня со значением «свет», «день», второе—от корня со значением «спать». Счет ведется посредством **порядковых числительных**. Этот способ счета не может применяться к группе различных людей или предметов, даже если они следуют друг за другом, ибо даже и в таком случае они могут объединяться в группу. Однако он применяется по отношению к последовательному появлению **одного и того же человека или предмета**, не способных объединиться в группу. «Несколько дней» воспринимается не так, как «несколько людей», к чему как раз склонны наши языки, а как последовательное появление **одного и того же человека**. Мы не можем изменить сразу несколько человек, воздействуя на одного, но мы можем подготовить и таким образом изменить последующие появления **одного и того же человека**, воздействуя на его появление в данный момент. Так хопи рассматривают будущее: они действуют в данной ситуации так или иначе, полагая, что это окажет влияние как очевидное, так и скрытое на предстоящее событие, которое их интересует. Можно было бы сказать, что хопи понимают такую нашу пословицу, как: «Well begun is half done» «Хорошее начало — это уже половина

дела», но не понимают другой нашей пословицы: «Tomorrow is another day» «Завтра — это уже новый день». Это объясняет многое в характере хопи.

Что-то, подготавливающее поведение хопи, всегда можно грубо разделить на объявление, внешнюю подготовку, внутреннюю подготовку, скрытое участие и настойчивое проведение в жизнь. Объявление или предварительное обнародование является важной обязанностью особого официального лица — Главного Глашатая. Внешняя подготовка охватывает широкую, открытую для всех деятельность, в которой не все, с нашей точки зрения, является непосредственно полезным. Сюда входят обычная деятельность, репетиция, подготовка, предварительные формальности, приготовление особой пищи и т. п. (все это делается с такой тщательностью, которая может показаться чрезмерной), интенсивно поддерживаемая физическая деятельность, например бег, состязания, танцы, которые якобы способствуют интенсивности развития событий (скажем, росту посевов), мимикрическая и прочая магия, действия, основанные на таинствах с применением особых атрибутов (например, священных палочек, перьев, пищи), и, наконец, танцы и церемонии, якобы подготавливающие дождь и урожай. От одного из глаглов, означающих «подготовить», образовано существительное «жатва» или «урожай»: *pa'twani* «то, что подготовлено», или «то, что готовится»¹.

Внутренней подготовкой являются молитва и размышление и в меньшей степени — добрая воля и пожелания хороших результатов. Хопи придают особое значение силе желания и силе мысли. Это вполне естественно для их микрокосма. Желание и мысль являются самой первой и потому важнейшей, решающей стадией подготовки. Более того, с точки зрения хопи, наши желания и мысли влияют не только на наши поступки, но и на всю природу. Это также понятно. Мы сами осознаем, ощущаем усилие и энергию, которые вкладываются в желание и мысль. Опыт более широкий, чем опыт языка, говорит о том, что, если расходуется энергия, достигаются результаты. Мы склонны думать, что в состоянии остановить действие этой энергии, поме-

---

¹ Глаголы хопи, означающие «подготовить», не соответствуют точно нашему «подготовить»; таким образом, *pa'twani* может быть передано как «то, над чем трудились», «то, ради чего старались» или что-либо подобное.

шать ей воздействовать на окружающее, пока мы не приступили к физическим действиям. Но мы думаем так только потому, что у нас есть лингвистическое основание для теории, согласно которой элементы окружающего мира, лишённые формы, как, например, «материя», являются вещами в себе, воспринимаемыми только посредством подобных же элементов и благодаря этому отделимыми от жизненных и духовных сил. Считать, что мысль связывает все, охватывает всю вселенную, не менее естественно, чем думать, как все мы это делаем, так о свете, зажженном на улице. И естественно предположить, что мысль, как и всякая другая сила, всегда оставляет следы своего воздействия. Так, например, когда мы думаем о каком-то кусте роз, мы не предполагаем, что наша мысль направляется к этому кусту и освещает его, подобно направленному на него прожектору. С чем же тогда имеет дело наше сознание, когда мы думаем о кусте роз? Может быть, мы полагаем, что оно имеет дело с «мысленным представлением», которое является не кустом роз, а лишь его мысленным заменителем? Но почему представляется естественным думать, что наша мысль имеет дело с суррогатом, а не с подлинным розовым кустом? Возможно, потому, что в нашем сознании всегда присутствует некое воображаемое пространство, наполненное мысленными суррогатами. Мысленные суррогаты — знакомое нам средство. Данный, реально существующий розовый куст мы воспринимаем как воображаемый наряду с образами мыслимого пространства, возможно, именно потому, что для него у нас есть удобное «место». «Мыслительный мир» хопи не знает воображаемого пространства. Отсюда следует, что они не могут связать мысль о реальном пространстве с чем-либо иным, кроме реального пространства, или отделить реальное пространство от воздействия мысли. Человек, говорящий на языке хопи, стал бы, естественно, предполагать, что его мысль (или он сам) путешествует вместе с розовым кустом или скорее с ростком маиса, о котором он думает. Мысль эта в таком случае должна оставить какой-то след и на растении в поле. Если это хорошая мысль, мысль о здоровье или росте, — это хорошо для растения, если плохая — плохо.

Хопи подчеркивает интенсифицирующее значение мысли. Для того чтобы мысль была наиболее действенной, она должна быть живой в сознании, определенной, постоянной, доказанной, полной ясно ощущаемых добрых наме-

рений. По-английски это может быть выражено как *concentrating, holding it in your heart, putting your mind on it, earnestly hoping* «сосредоточиваться, сохранять в своем сердце, направлять свой разум, горячо надеяться». Сила мысли — это та сила, которая стоит за церемониями со священными палочками, обрядовыми курениями и т. п. Священная трубка рассматривается как средство, помогающее «сосредоточиться» (так сообщил мне информант). Ее название *pa'twanpi* означает «средство подготовки».

Скрытое участие у хопи есть мысленное соучастие людей, которые фактически не действуют в данной операции, в чем бы она ни заключалась: в работе, охоте, состязании или церемонии; эти люди направляют свою мысль и добрую волю к достижению успеха предприятия. Объявление часто дается для того, чтобы обеспечить поддержку подобных мысленных помощников, так же как и действительных участников; объявление призывает людей помочь своей доброй волей¹. Это напоминает сочувствующую аудиторию или подбадривающих болельщиков на футбольном матче; причем здесь нет противоречия, так как от скрытых соучастников ожидается прежде всего сила направленной мысли, а не просто сочувствие или поддержка. В самом деле, ведь основная работа скрытых соучастников начинается до игры, а не во время игры. Отсюда и сила злого умысла, т. е. мысли, несущей зло; отсюда одна из целей скрытого соучастия — добиться массовых усилий многих доброжелателей, чтобы противостоять губительной мысли недоброжелателей. Подобные действия способствуют развитию чувства сотрудничества и солидарности. Это не значит, что в обществе хопи нет соперничества или столкновения интересов. Противодействие тенденции к общественной разобщенности в такой небольшой изолированной группе, как хопи, оказывает теория «подготовки» силой мысли, логически ведущая к усилению объединенной, интенсифицированной и организованной мысли всего общества. Эта тео-

---

¹ См. пример, приведенный у Ernest Beaglehole, *Notes on Hopi economic life* (Yale University publications in «Anthropology», № 15, 1937), особенно ссылку на объявление о заячьей охоте и на стр. 30 описание деятельности в связи с очищением Источника Торевы: выпуск объявления, организацию различных подготовительных мероприятий и, наконец, описание мер, предпринятых для обеспечения того, чтобы достигнутые положительные результаты сохранялись и чтобы источник продолжал действовать.

рия должна действовать в значительной степени как сила сплывающая, несмотря на частные столкновения, которые наблюдаются в селениях хопи во всех основных областях их культурной деятельности.

«Подготавливающая» деятельность хопи еще раз иллюстрирует действие лингвистической мыслительной среды, где особенно проявляется роль упорства и постоянного неустанного повторения. Ощущение силы всей совокупности бесчисленных единичных энергий притупляется нашим объективизированным пространственным восприятием времени, которое усиливается мышлением, близким к субъективному восприятию времени как непрерывному потоку событий, расположенных на «временной линии». Нам, для которых время есть движение в пространстве, кажется, что неизменное повторение теряет свою силу на отдельных отрезках этого пространства. С точки зрения хопи, для которых время есть не движение, а «становление более поздним» всего, что когда-либо было сделано, неизменное повторение не растрчивает свою силу, а накапливает ее. В этом процессе нарастает невидимое изменение, которое передается более поздним событиям¹. Например, возвращение дня воспринимается здесь так же, как возвращение какого-то лица, ставшего немного старше, но несущего все признаки прошедшего дня. Мы воспринимаем это лицо не как «другой день», т. е. не как совсем другое «лицо». Этот принцип, соединенный с принципом силы мысли и общим характером культуры пуэбло, выражен как в передаче смысла церемониального танца хопи, призванного вызывать дождь и урожай, так и в его коротком дробном ритме, повторяемом тысячи раз в течение нескольких часов.

---

¹ Это представление о нарастающей силе, которая вытекает из поведения хопи, имеет свою аналогию в физике: ускорение. Можно сказать, что лингвистические основы мышления хопи дают возможность признать, что сила проявляется не как движение или быстрота, а как накопление или ускорение. Лингвистические основы нашего мышления мешают подобному истолкованию, ибо, признав силу как нечто вызывающее изменение, мы воспринимаем это изменение посредством нашей языковой метафорической аналогии — движения, — вместо того, чтобы воспринимать его как нечто абсолютно неподвижное и неизменное, т. е. накопление и ускорение. Поэтому мы бываем так наивно поражены, когда узнаем из физических опытов, что невозможно определить силу движения, что движение и скорость, так же как и состояние покоя, — понятия относительные и что сила может измеряться только ускорением.

Некоторые следы влияния языковых норм в западной цивилизации

Обрисовать в нескольких словах лингвистическую обусловленность некоторых черт нашей собственной культуры труднее, чем культуры хопи, поскольку трудно быть объективным, когда анализируются знакомые, глубоко укоренившиеся в сознании явления. Я бы хотел только дать приблизительный набросок того, что свойственно нашей лингвистической двучленной формуле форма + лишённое формы вещество или «субстанция», нашей метафоричности, нашему мыслительному пространству и нашему объективизированному времени. Все это, как мы уже видели, имеет отношение к языку.

Философские взгляды, наиболее традиционные и характерные для «западного мира», во многом основываются на двучленной формуле — форма + содержание. Сюда относятся материализм, психофизический параллелизм, физика, по крайней мере в ее традиционной — ньютоновской — форме, и дуалистические взгляды на вселенную в целом. По существу, сюда относится почти все, что можно назвать «твердым, практическим здравым смыслом». Монизм, холизм и релятивизм во взглядах на действительность близки философам и некоторым ученым, но они с трудом укладываются в рамки «здравого смысла» среднего западного человека не потому, что их опровергает сама природа (если бы это было так, философы бы открыли это), а потому, что для того, чтобы о них говорить, требуется какой-то новый язык. «Здравый смысл» (как показывает само название) и «практичность» (это название ни о чем не говорит) составляют содержание такой речи, в которой все легко понимается. Иногда утверждают, что ньютоновские пространства, время и материя ощущаются всеми интуитивно, тогда как относительность проводится для доказательства того, что математический анализ опровергает интуицию. Данное суждение, не говоря уже о его несправедливом отношении к интуиции, является непродуманным ответом на первый вопрос, который был поставлен в начале этой работы и ради которого было предпринято настоящее исследование. Изложение соображений и наблюдений почти исчерпано, и ответ, я думаю, ясен. Импровизированный же ответ, возлагающий всю вину за нашу медлительность в постижении таких тайн космоса, как, на-

пример, относительность, на интуицию, является ошибочным. Правильно ответить на этот вопрос следует так: ньютоновские понятия пространства, времени и материи не есть данные интуиции. Они даны культурой и языком. Именно из этих источников и взял их Ньютон.

Наше объективизированное представление о времени соответствует историчности и всему, что связано с регистрацией фактов, тогда как представление хопи о времени противоречит этому. Представление хопи о времени слишком тонко, сложно и постоянно развивается, оно не дает готового ответа на вопрос о том, когда «одно» событие кончается, а «другое» начинается. Если считать, что все, что когда-либо произошло, продолжается и теперь, но обязательно в форме, отличной от той, которую дает память или запись, то станет ослабевать стремление к изучению прошлого. Настоящее же не записывается, а рассматривается как «подготовка». Наше же объективизированное время вызывает в представлении что-то вроде ленты или свитка, разделенного на равные отрезки, которые должны быть заполнены записями. Письменность, несомненно, способствовала нашей языковой трактовке времени, даже если эта языковая трактовка направляла использование письменности. Благодаря взаимосбмену между языком и всей культурой мы получаем, например:

1. Записи, дневники, бухгалтерию, счетоводство, математику, стимулированную счетом.

2. Интерес к точной последовательности — датировку, календари, хронологию, часы, исчисление зарплаты по затраченному времени, измерение самого времени, время, как оно применяется в физике.

3. Летописи, хроники — историчность, интерес к прошлому, археологию, проникновение в прошлые эпохи, выраженные классицизмом и романтизмом.

Подобно тому как мы представляем себе наше объективизированное время простирающимся в будущем так же, как оно простирается в прошлом, подобно этому и наше представление о будущем складывается на основании свидетельств прошлого и по этому образцу мы вырабатываем программы, расписания, бюджеты. Формальное равенство якобы пространственных единиц, с помощью которых мы измеряем и воспринимаем время, ведет к тому, что мы рассматриваем «бесформенное явление» или «субстанцию» времени как нечто однородное и пропорциональное по

отношению к какому-то числу единиц. Так, стоимость мы исчисляем пропорционально затраченному времени, что приводит к созданию целой экономической системы, основанной на стоимости, соотнесенной со временем: заработная плата (количество затраченного времени постоянно вытесняет количество вложенного труда), квартирная плата, кредит, проценты, издержки по амортизации и страховые премии. Конечно, эта некогда созданная обширная система могла бы существовать при любом лингвистическом понимании времени, но сам факт ее создания, многообразие и особая форма, присущие ей в западном мире, находятся в полном соответствии с категориями европейских языков. Трудно сказать, возможна была бы или нет цивилизация, подобная нашей, с иным лингвистическим пониманием времени; во всяком случае, нашей цивилизации присущи определенные лингвистические категории и нормы поведения, складывающиеся на основании данного понимания времени, и они полностью соответствуют друг другу. Конечно, мы употребляем календари и различные часовые механизмы, мы пытаемся все более и более точно измерять время,— это помогает науке, а наука в свою очередь, следуя этим хорошо разработанным путям, возвращает культуре непрерывно растущий арсенал приспособлений, навыков и ценностей, с помощью которых культура снова направляет науку. Но что находится за пределами такой спирали? Наука начинает находить во вселенной нечто не соответствующее представлениям, которые мы выработали в пределах данной спирали. Она пытается создать новый язык, чтобы с его помощью установить связь с расширившимся миром.

Ясно, что особое значение, которое придается «экономии времени», вполне понятное на основании всего сказанного и представляющее очевидное выражение субъективизации времени, приводит к тому, что «скорость» приобретает высокую ценность, и это отчетливо проявляется в нашем поведении.

Влияние такого понимания времени на наше поведение проявляется еще и в том, что однообразие и регулярность, присущие нашему представлению о времени (как о ровно вымеренной безграничной ленте), заставляют нас вести себя так, как будто это однообразие присуще и событиям. Это еще более усиливает нашу косность. Мы склонны отбирать и предпочитать все то, что соответствует данному

взгляду, мы как будто приспосабливаемся к этой установившейся точке зрения на существующий мир. Это проявляется, например, в том, что в своем поведении мы исходим из ложного чувства уверенности, верим, например, в то, что все должно идти гладко, и не способны предвидеть опасности и предотвращать их. Наше стремление подчинить себе энергию вполне соответствует этому установившемуся взгляду, и, развивая технику, мы идем все теми же привычными путями. Так, например, мы как будто совсем не заинтересованы в том, чтобы помешать действию энергии, которая вызывает несчастные случаи, пожары и взрывы, происходящие постоянно и в широких масштабах. Такое равнодушие к непредвиденному в жизни было бы катастрофическим в обществе, столь малочисленном, изолированном и постоянно подвергающемся опасностям, каким является, или вернее являлось, общество хопи.

Таким образом, наш лингвистический детерминированный мыслительный мир не только соотносится с нашими культурными идеалами и установками, но вовлекает даже наши собственно подсознательные действия в сферу своего влияния и придает им некоторые типические черты. Это проявляется, как мы видели, в небрежности, с какой мы, например, обычно водим машины, или в том, что мы бросаем окурки в корзину для бумаги. Типичным проявлением этого влияния, но уже в несколько ином плане, является наша жестикуляция во время речи. Очень многие жесты, характерные по крайней мере для людей, говорящих по-английски, а возможно, и для всей группы SAE, служат для иллюстрации движения в пространстве, но, по существу, не пространственных понятий, а каких-то внепространственных представлений, которые наш язык трактует с помощью метафор мыслимого пространства: мы скорее склонны сделать жест, передающий понятие «схватить», когда мы говорим о желании поймать ускользающую мысль, чем когда говорим о том, чтобы взяться за дверную ручку. Жест стремится передать метафору, сделать более ясным туманное высказывание. Но если язык, имея дело с непространственными понятиями, обходится без пространственной аналогии, жест не сделает непространственное понятие более ясным. Хопи очень мало жестикулируют, а в том смысле, как понимаем жест мы, они не жестикулируют совсем.

Казалось бы, кинестезия, или ощущение физического

движения тела, хотя она и возникла до языка, должна сделаться значительно более осознанной через лингвистическое употребление воображаемого пространства и метафорическое изображение движения. Кинестезия характеризует две области европейской культуры — искусство и спорт. Скульптура, в которой Европа достигла такого мастерства (так же как и живопись), является видом искусства в высшей степени кинестетическим, четко передающим ощущение движения тела. Танец в нашей культуре выражает скорее наслаждение движением, чем символику или церемонию, а наша музыка находится под сильным влиянием формы танца. Этот элемент «поэзии движения» в большой степени проникает и в наш спорт. В состязаниях и спортивных играх хопи на первый план ставится, пожалуй, выносливость и сила выдержки. Танцы хопи в высшей степени символичны и исполняются с большой напряженностью и серьезностью, но в них мало движения и ритма.

Синестезия, или возможность восприятия с помощью органов какого-то одного чувства явлений, относящихся к области другого чувства, например восприятие цвета или света через звуки и наоборот, должна была бы сделаться более осознанной благодаря лингвистической метафорической системе, которая передает непространственное представление с помощью пространственных терминов, хотя, вне всяких сомнений, она возникает из более глубокого источника. Возможно, первоначально метафора возникает из синестезии, а не наоборот, но, как показывает язык хопи, метафора не обязательно должна быть тесно связана с лингвистическими категориями. Непространственному восприятию присуще одно хорошо организованное чувство — слух, обоняние же и вкус менее организованны. Непространственное восприятие — это главным образом сфера мысли, чувства и звука. Пространственное восприятие — это сфера света, цвета, зрения и осязания; оно дает нам формы и измерения. Наша метафорическая система, называя непространственные восприятия по образцу пространственных, приписывает звукам, запахам и звуковым ощущениям, чувствам и мыслям такие качества, как цвет, свет, форму, контуры, структуру и движение, свойственные пространственному восприятию. Этот процесс в какой-то степени обратим, ибо, если мы говорим: высокий, низкий, резкий, глухой, тяжелый, чистый, медленный звук, — нам уже нетрудно представлять пространственные явления как

явления звуковые. Так, мы говорим о «тонах» цвета, об «однотонном» сером цвете, о «кричащем» галстуке, о «вкусе» в одежде — все это составляет обратную сторону пространственных метафор. Для европейского искусства характерно нарочитое обыгрывание синестезии. Музыка пытается вызвать в воображении целые сцены, цвета, движение, геометрические узоры; живопись и скульптура часто сознательно руководствуются музыкально-ритмическими аналогиями; цвета ассоциируются по аналогии с ощущениями созвучия и диссонанса. Европейский театр и опера стремятся к синтезу многих видов искусства. Возможно, именно таким способом наш метафорический язык, который неизбежно несколько искажает мысль, достигает с помощью искусства важного результата — создания более глубокого эстетического чувства, ведущего к более непосредственному восприятию единства, лежащего в основе явлений, которые в разнообразных и разрозненных формах даются нам через наши органы чувств.

Исторические связи

Как исторически создается такое сплетение между языком, культурой и нормами поведения? Что было первичным — норма языка или норма культуры?

В основном они развивались вместе, постоянно влияя друг на друга. Но в этом содружестве природа языка является тем фактором, который ограничивает его свободу и гибкость и направляет его развитие по строго определенному пути. Это происходит потому, что язык является системой, а не просто комплексом норм. Структура большой системы поддается существенному изменению очень медленно, в то время как во многих других областях культуры изменения совершаются сравнительно быстро. Язык, таким образом, отражает массовое мышление; он реагирует на все изменения и нововведения, но реагирует слабо и медленно, тогда как в сознании производящих изменения это происходит моментально.

Возникновение комплекса язык — культура SAE относится к древним временам. Многие из его метафорической трактовки непространственного посредством пространственного утвердилось в древних языках, в частности в латыни. Эту черту можно даже назвать отличительной особенностью латинского языка. Сравнивая латынь, скажем,

с древнееврейским языком, мы обнаруживаем, что если для древнееврейского языка характерна лишь некоторая трактовка непространственного через посредство пространственного, то для латыни это характерно в большей степени. Латинские термины для непространственных понятий, например *educo*, *religio*, *principia*, *comprehendo*, — это обычно метафоризованные физические понятия: вывести, связывать и т. д. Сказанное относится не ко всем языкам, этого совсем не наблюдается в хопи. Тот факт, что в латыни направление развития шло от пространственного к непространственному (отчасти вследствие столкновения интеллектуально неразвитых римлян с греческой культурой, давшего новый стимул к абстрактному мышлению), и что более поздние языки стремились подражать латинскому, явился, вероятно, причиной для того убеждения, что это — естественное направление семантического изменения во всех языках (этого убеждения придерживаются некоторые лингвисты еще и теперь) и что объективные восприятия первичны по отношению к субъективным (такого мнения твердо придерживаются в западных научных кругах, но оно не разделяется учеными Востока). Некоторые философские доктрины представляют убедительные доказательства в пользу противоположного взгляда, и, конечно, иногда процесс идет в обратном направлении. Так, можно, например, доказать, что в хопи слово, обозначающее «сердце», является поздним образованием, созданным от корня, означающего «думать» или «помнить». То же происходит со словом *radio* «радио», если мы сравним значение слова *radio* «радио» в предложении *he bought a new radio* «он купил новое радио» с его первичным значением *science of wireless telephony* «наука о беспроволочной телефонии».

В средние века языковые модели, уже выработанные в латыни, стали приспособливаться ко все увеличивающимся изобретениям в механике, промышленности, торговле, к схоластической и научной мысли. Потребность в измерениях в промышленности и торговле, склады и грузы материалов в различных контейнерах, помещения для разных товаров, стандартизация единиц измерения, изобретение часового механизма и измерение «времени», введение записей, счетов, составление хроник, летописей, развитие математики и соединение прикладной математики с наукой — все это, вместе взятое, привело наше мышление и язык к их современному состоянию.

В истории хопи, если бы мы могли прочесть ее, мы нашли бы иной тип языка и иной характер взаимовлияния культуры и окружающей среды. Здесь мы встречаем мирное земледельческое общество, изолированное географически и врагами-кочевниками, общество, обитающее на земле, бедной осадками, возделывающее культуры на сухой почве, способной принести плоды только в результате чрезвычайного упорства (отсюда то значение, которое придается настойчивости и повторению), общество, ощущающее необходимость сотрудничества (отсюда и та роль, которую играют психология коллектива и психологические факторы вообще), принимающее зерно и дождь за исходные критерии ценности, осознающее необходимость усиленной подготовки и мер предосторожности для обеспечения урожая на скудной почве при неустойчивом климате, сознающее зависимость от угодной природе молитвы и проявляющее религиозное отношение к силам природы через молитву и религию, направленным к вечно необходимому благу — дождю. Все эти условия, присущие данному обществу, взаимодействуя с языковыми нормами хопи, формируют их характер и мало-помалу создают определенное мировоззрение.

Чтобы подвести итог всему вышесказанному и ответить на первый вопрос, поставленный вначале, можно сказать так: понятие «времени» и «материи» не даны из опыта всем людям в одной и той же форме. Они зависят от природы языка или языков, благодаря употреблению которых они развились. Они зависят не столько от какой-либо одной системы (как-то: категории времени или существительного) в пределах грамматической структуры языка, сколько от способов анализа и обозначения восприятий, которые закрепляются в языке как отдельные «манеры речи» и накладываются на типические грамматические категории так, что подобная «манера» может включать в себя лексические, морфологические, синтаксические и тому подобные, в других случаях совершенно несовместимые средства языка, соотносящиеся друг с другом в определенной последовательности.

Наше собственное «время» существенно отличается от «длительности» у хопи. Оно воспринимается нами как строго ограниченное пространство или иногда — как движение в таком пространстве и соответственно используется как категория мышления. «Длительность» у хопи не может

быть выражена в терминах пространства и движения, ибо именно в этом понятии заключается отличие формы от содержания и сознания в целом от отдельных пространственных элементов сознания. Некоторые понятия, явившиеся результатом нашего восприятия времени, как, например, понятие абсолютной одновременности, было бы или очень трудно, или невозможно выразить в языке хопи или они были бы бессмысленны в их восприятии и заменены какими-то иными, более приемлемыми для них понятиями. Наше понятие «материи» является физическим подтипом «субстанции», или «вещества», которое мыслится как что-то бесформенное и протяженное, что должно принять какую-то определенную форму, прежде чем стать формой действительного существования. В хспи, кажется, нет ничего, что бы соответствовало этому понятию; там нет бесформенных протяженных элементов; существующее может иметь, а может и не иметь формы, но зато ему должны быть свойственны интенсивность и длительность — понятия, не связанные с пространством и в своей основе однородные.

Как же все-таки следует рассматривать наше понятие «пространства», которое также включалось в первый вопрос? В понимании пространства у народов хопи и SAE нет такого отчетливого различия, как в понимании времени, и, возможно, понимание пространства дается в основном в той же форме через опыт, независимый от языка. Эксперименты, проведенные структурной психологической школой (Gestaltpsychologie) над зрительными восприятиями, как будто уже установили это, но понятие пространства несколько варьируется в языке, ибо, как категория мышления¹, оно очень тесно связано с параллельным использованием других категорий мышления, таких, например, как «время» и «материя», которые обусловлены лингвистически. Наш глаз видит предметы в тех же пространственных формах, как видит их и хопи, но для нашего представления о пространстве характерно еще и то, что оно используется для обозначения таких непространственных отношений, как время, интенсивность, направленность, и для обозначения вакуума, наполняемого воображаемыми бесформенными элементами, один из которых может быть назван «пространство». Пространство в восприятии хопи не

---

¹ Сюда относятся «ньютоновское» и «эвклидово» понятия пространства и т. п.

связано психологически с подобными обозначениями, оно относительно «чисто», т. е. никак не связано с непространственными понятиями.

Обратимся к нашему второму вопросу. Между культурными нормами и языковыми моделями существуют связи, но не корреляции или прямые соответствия. Хотя было бы невозможно объяснить существование Главного Глашатая отсутствием категории времени в языке хопи, вместе с тем, несомненно, наличествует связь между языком и остальной частью культуры общества, которое этим языком пользуется. В некоторых случаях «манеры речи» составляют неотъемлемую часть всей культуры, хотя это и нельзя считать общим законом, и существуют связи между применяемыми лингвистическими категориями, их отражением в поведении людей и теми разнообразными формами, которые принимает развитие культуры. Так, например, значение Главного Глашатая, несомненно, связано если не с отсутствием грамматической категории времени, то с той системой мышления, для которой характерны категории, отличающиеся от наших времен. Эти связи обнаруживаются не столько тогда, когда мы концентрируем внимание на чисто лингвистических, этнографических или социологических данных, сколько тогда, когда мы изучаем культуру и язык (при этом только в тех случаях, когда культура и язык сосуществуют исторически в течение значительного времени) как нечто целое, в котором можно предполагать взаимозависимость между отдельными областями, и если эта взаимозависимость действительно существует, она должна быть обнаружена в результате такого изучения.